

2207

СОЗВЕЗДИЕ МУЗ

...КОГДА в печати появились первые новеллы Мари Саат, она казалась прозаиком-лириком, ищущим в окружающем мире гармонию и красоту. Ее тонкие, насыщенные поэтической символикой рассказы побуждали вспоминать Ф. Тугласа, особенно его новеллу «Золотой обруч».

Потом вышла в свет первая книга, переведенная на русский язык, — «Катастрофа». Этот сборник рассказов и повестей был составлен таким образом, что и известные ранее произведения по-иному зазвучали в контексте новых. Оказалась Мари Саат писательницей куда более жесткой, в чем-то даже беспощадной к своим героям. И уже не задумчиво грустную речь Ф. Тугласа хотелось вспоминать, а скорее резкую прозу Франсуа Мориака.

И наконец, вышел в свет первый роман Мари Саат — «Лесная перепелка». Спокойный бытописательный реализм этого произведения, углубленная психологичность раскрытия характеров, широта охвата проблем современной жизни, строгость и сдержанность стилистики — все это заставило перейти к совсем новым характеристикам творческой манеры письма прозаика, отложив и Ф. Тугласа, и Мориака, и обратившись к классическим, девятнадцатого века, канонам литературы...

С этого и начался наш разговор с Мари Саат, с вопроса:

— Чем обусловлена измен-

чивость (или развитие) ее письма, когда каждая новая книга кажется книгой нового писателя?

— Этот вопрос я слышу не впервые. Как-то в одной редакции мне с подозрением сказали: а нет ли у вас дома тайной, никому не известной библиотеки, в которой вы снимаете с полки книгу то одного, то другого автора? Отвечу: есть, но она во мне самой, в моем сознании, потому что все это — рациональное и иррациональное, реалистическое и фантастическое, прозаическое и сказочное, примитивно убогое и бесконечно сложное есть в самой жизни.

К сожалению, объединить это все в одном произведении очень трудно (может быть, невозможно). Но потому что этот синтез есть в жизни, я к нему стремлюсь.

Ну вот возьмите такой простой пример «из жизни». У нас очень модно сейчас говорить о сопряжении реального и фантастического. Говорили это и об одном моем рассказе, где речь идет о движении времени, о странных его спиралях, извивах, кругах и поворотах. А вот что послужило поводом к рассказу: моя тетя, ехавшая к нам на дачу, заблудилась в лесу. Неожиданно она наткнулась на остов споровшего дома, пожар был, видимо, недавно, в кухне еще стояла печь с торчащей дымовой трубой. Найдя нашу дачу, тетя с моей мамой отправилась опять посмотреть на этот дом,

ПАРАЛЛЕЛИ И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

НАШ СОБЕСЕДНИК —
МОЛОДАЯ ЭСТОНСКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА
МАРИ СААТ, ЛАУРЕАТ
ВСЕСОЮЗНОЙ ПРЕМИИ им. М. ГОРЬКОГО
1981 года ЗА ЛУЧШУЮ ПЕРВУЮ КНИГУ

но уже не нашла его. А спустя два года возле нашей дачи случился пожар, и тоже в доме сохранилась печь с торчащей трубой, и тетя даже утверждала, что это тот же самый дом, который она видела прежде. И вот, приняв это «даже», приняв это допущение, я написала рассказ, думая о том, что человеку, застигнутому врасплох несчастьем, кажется, что его симптомы, его предупреждения он чувствовал заранее, мог и должен был что-то предпринять, предупредить...

И, как видите, фактически никакой фантастики.

Очень хорошо говорил обо всем этом в одном из интервью Габриэль Гарсиа Маркес: стоит ему выдумать что-то совсем из ряда вон выхо-

дящее, как оказывается — явление или факт известны и ими даже занимаются ученые...

— Словом, роль вымысла в вашем творчестве ничтожна, оно максимально приближено к вашей собственной жизни, вашей биографии?

— И да, и нет. С одной стороны, я считаю, цель писателя — выразить самого себя. И если это будет сделано точно, полно, глубоко, то писатель тем самым выразит и мир, его окружающий. С другой стороны, если говорить о себе лично, — я, наверное, не придаю должного значения событиям собственной жизни, а потому в памяти остаются не сами события, не предметы, не об-

становка, а только то, что я чувствовала в этот момент, что думала, что переживала — это и становится темой произведений.

— В таком случае, что вы думаете о герое современной литературы, чем он отличается от героев предыдущих поколений?

— Мне трудно говорить о герое, я скажу просто о человеке. О том, который стал умнее, образованней, культурней. Мне дорого в нем прежде всего отсутствие максимализма, безапелляционной убежденности в своей непогрешимости. Неуверенность (в противовес самоуверенности) — прекрасное качество, и рождено оно днем сегодняшним, когда мы пы-

таемся постичь сложнейшую взаимосвязь, казалось бы, далеких явлений и событий, учимся различать за причиной неожиданное следствие, отыскивать за следствием неожиданную причину. Вот смотрите: еще совсем недавно мы с одержимой самоуверенностью покоряли природу, теперь мы учимся осторожности и сомнениям в отношении с ней. Еще тридцать лет назад считали, что залог успеха в экономике — хороший план. Создавали хорошие планы и пытались безапелляционно их выполнять. А теперь стараемся учитывать реальность — план должен быть вариантным, маневренным, должен предусматривать ресурсы, из которых можно было бы заплатить «штраф» за его погрешности...

— Ну вот, вы заговорили языком экономиста, значит, наверное, пора вспомнить о вашей второй профессии — как «уживаются» в вас писатель и кандидат экономических наук, сотрудник Института экономики АН ЭССР?

— В чем-то их жизни параллельны, в чем-то очень близки, скрещиваются. К сожалению, я очень люблю свою работу экономиста (к сожалению потому, что она оставляет очень мало времени для писателя). Писать рассказы я начала только на последнем курсе института, да и то было совершенно не ясно — получается ли. А тут выяснилось, что я могу писать статьи по своей специ-

альности, поступить в аспирантуру, получить очень интересную тему, работать с прекрасным руководителем. А сейчас тема еще интересней: занимаюсь прогнозированием и моделированием системы образования. Проблема выходит за рамки экономики, смыкается с социологией... Времени остается немного, но зато научная работа требует постоянной динамики мысли, постоянной учебы, поиска, все более и более проясняет и обогащает картину мира — разве может без всего этого обойтись писатель?

— Вернемся к вашему творчеству. Различны герои ваших произведений, но в одном они очень близки — почти все они несчастны, почти все чувствуют постоянно гложущую неудовлетворенность собственной жизнью; и обстоятельства, удача или неудача, практически ничего не меняют в их жизни, остаются фоном, на котором разыгрываются драмы их внутреннего мира. «Состав трагедии» кроется в душах героев и обусловлен их эгоизмом или равнодушием или неспособностью к любви. И все-таки, так ли безразличны внешние обстоятельства?

— Конечно, не безразличны. Но я уверена: эгоизм, равнодушие просто отрезают человека от жизни, отстраняют от нее — поэтому и не важен для моих персонажей внешний фон. Но и он их формирует. Вот, скажем, на поверхности: проблема трудового воспитания. Сколько

уже писали об этом — а изменений практически никаких нет: в школах, техникумах морально устаревшие станки, нет машин, нет современного оборудования, инструментов. Но ведь нельзя же привить любовь к рабочей профессии одними словами! А физическое воспитание: либо из детей делают рекордсменов, либо им нет места в спортивных залах, на стадионах. И тоже об этом много пишут, и тоже мало что пока изменилось. Впрочем, я не думаю, что писатель должен стремиться к преобразованию окружающего, а должен, по-моему, стремиться к преобразованию человеческой души, а поэтому она и должна быть главным «местом действия» произведений.

— Ваши любимые произведения?

— Больше всего я люблю их авторов — глубоких и интересных людей. Особенно же тех, кому удается быть адекватным самому себе в произведениях, то есть быть близким, равным себе в творчестве. Люблю поэзию Вийви Луик и Пауля-Эрика Руммо, Тоомаса Лийва, прозу Яана Кросса и Леннарта Мери. Люблю писателей, близких мне по образу мышления, поиску. Да это, наверное, естественно для человека — искать единомышленников...

Беседу вела
Е. СКУЛЬСКАЯ.

Фото Ф. КЛЮЧИКА.